

В. И. Пефтиев**Человек в лабиринте идентичностей: взгляд экономиста**

В статье дается обзор суждений современных ученых о человеке в пространстве глобализации с целью опознания и выделения элементов будущей парадигмы в экономической теории в рамках методологической триады «человек – труд – глобализация».

Ключевые слова: человек, экономическая теория, человеческий капитал, коррупция, типология потребителей, модернизация, заимствование и адаптация институтов, Интернет, технополис.

V. I. Peftiev**A Person in a Labyrinth of Identities: an Economist's View**

In the article the review of estimations of modern scientists about the person in space of globalization with the purpose to identify and point out elements of the future paradigm in the economic theory within the limits of a methodological triad "a person – work – globalization" is given.

Keywords: a person, an economic theory, human capital, corruption, typology of consumers, modernization, loan and adaptation of institutes, the Internet, a technology town.

Человек – уникальный феномен Природы и Общества, вечная тема для научных и житейских размышлений. Человек – высшая мера вещей и отношений. Эти заповеди пришли к нам из глубины веков от античных мыслителей. Однако им не всегда следовали в истории, науке и повседневности, увлекаясь химерами, утопиями, мифами разного свойства и происхождения. Превратные суждения о человеке и обществе (еще до конца не преодолены, а кое-где и доминируют) сопровождалась и сопровождается сегодня апологией объективных законов истории (ее фатализма) с отрицанием или умалением воли и свободы действия человека и/или безотчетной верой в божественные силы, которые управляют его судьбой. XXI век дает шансы для взвешенной позиции относительно взаимодействия объективного и субъективного, земного и потустороннего, известного и неизвестного без всеохватывающего уничтожения человека, но и без безудержного его восхваления. Человек противоречив и неисчерпаем для познания и понимания; он находится в лабиринте идентичностей [15], в постоянном поиске своего «я» и манеры поведения в окружающем его социуме. В статье отобраны отдельные суждения ученых о современном человеке в пространстве глобализации, повышенных рисков и запредельной неопределенности.

Цель данного обзора наблюдений и высказываний – предварительная систематизация информации к рефлексии на предмет опознания и выделения элементов будущей парадигмы в экономической теории в рамках методологической триады «человек – труд – глобализация» [11].

Человек (и соответственно его потребности) как исходный пункт анализа в экономической теории утвердился на рубеже XIX–XX вв. после разложения классической политэкономии в Великобритании [21] и ревизии ортодоксального марксизма Э. Бернштейном и его последователями. К. Маркс пренебрег пронизательным предупреждением Дж. Ст. Милля (1848): «К счастью, в законах стоимости нет ничего, что осталось бы выяснить современному или любому будущему автору; теория этого предмета является завершённой» [10]. Основатель пролетарской политэкономии свернул с подлинно научной стези и заблудился в зыбучих песках наукообразной риторики против капитала буржуазного общества. Ведь для объяснения эксплуатации человека человеком (точнее: неэквивалентного обмена), на наш взгляд, вовсе отсутствует нужда в обращении к двойственности труда, стоимости и к такому товару, как рабочая сила. Более краткий путь – исследование категории «прибавочный продукт», продолжение идей Кенэ (3 варианта

«Экономической таблицы»), с одной стороны, и размышлений Родбертуса («Социальные письма», 50-е гг. XIX в.) – с другой. В 50-е гг. XX в. неомарксист П. Баран (США) выдвинул концепт экономического излишка [20]. В среде российских неомарксистов марксова концепция стоимости считается либо незавершенной (по многим основаниям, в том числе из-за разночтений между идеями разных томов «Капитала» [7]), либо ей на смену выдвигают теорию потребительной стоимости [16]. Маржиналисты вернули человеку (домохозяйству) статус ключевого агента в экономике. Но методологический индивидуализм, присущий мейнстриму, не позволяет найти адекватные реалиям переходы и взаимосвязи между личными и общественными интересами. Ведь очевидно, что ни одна группа интересов (личные, коллективные, общественные) не подчиняется принципу кумулятивности, обладает самобытностью и не формирует жесткую иерархичную систему.

Ф. Эгельс был абсолютно прав, когда утверждал, что экономические отношения проявляются прежде всего через интересы [18]. Но следовало бы далее уточнить, что интересы человека многолики: интересы индивида, члена коллектива и единицы общества. Зато неомарксистская экономическая мысль (Г. Беккер, Т. Шульц и др.) диагностировала генезис особого типа капитала – человеческого, описала механизм его функционирования и зафиксировала основные вехи его эволюции. Отработана методика измерения долгосрочных вложений в человека (образование, здравоохранение, переподготовка и повышение квалификации персонала). С 1994 г. в России регулярно проводится мониторинг человеческого капитала группами отечественных и зарубежных исследователей (университет Северной Каролины, США) [6]. Уточнено: лицо наемного труда (ЛНТ) не продает свою рабочую силу, а сдает в аренду работодателю в рамках индивидуального контракта или коллективных соглашений [22]. Но дискуссии о природе человеческого капитала продолжают: дополнительный доход трудящегося за счет перераспределения выручки, разновидность инновационной ренты владельца рабочей силы, гибридное сращивание зарплаты и прибыли?

Потребности современного человека и степени их удовлетворения претерпевают значимые изменения в условиях глобализации. Разработаны и используются международные, региональные и национальные критерии отнесения к кате-

гории бедных и близким к ним групп населения по душевому доходу в сутки (чуть более 2 долл.), минимальной часовой оплате труда, по соотношению личного и семейного доходов со средним в стране (за месяц или год). Сотни миллионов жителей Африки, Азии и Латинской Америки плохо питаются, лишены медицинской помощи, электричества и доброкачественной питьевой воды. Масштабная бедность отмечается и в Европе-27 с существенной дифференциацией по странам, регионам, отраслям и профессиям с учетом и без учета мигрантов. Традиционные инструменты измерения бедности и богатства (кривая Лоренца, коэффициент Джини и децильные коэффициенты) плохо улавливают перемены со знаком плюс и минус в положении средних слоев (страт) общества. Для оценки статуса бедного важны не только индикаторы материального благосостояния, но и приметы социальной принадлежности в сопоставлении с ближайшим окружением. За пределами среднего класса очагово наблюдается возвышение потребностей, с акцентом на самореализацию, общественное самоутверждение (ступеньки 4 и 5 по шкале А. Маслоу). Одновременно имеет место и процесс снижения потребностей, вплоть до элементарных, витальных (путь вниз) в ситуации застойной безработицы и жизненных потрясений.

Безудержная гонка потребностей, превосходящих порог разумности (рациональности), усиливает дефицит ресурсов и нарушает экологическое равновесие на земле, в воздухе и на море. Неоднородность глобального экономического пространства и другие факторы сегментируют потребности поколения XXI в., особенно молодежи. При содействии социологов и маркетологов выявлены несовпадающие субкультуры потребителей (до 10). Среди них 1) космополиты; 2) индивидуалисты (потребление как способ идентификации, самовыражения); 3) условные и временные связи с торговлей; 4) самопроизводство благ; 5) андрогины (без половых различий); 6) пенсионеры и 7) прочие (неврастеники, беглецы, искатели) [1]. Подтверждается прогноз Л. Мизеса о том, что расходование потребителями каждого цента определит направление всего производственного процесса и детали организации деловой жизни [9]. Сказанное верно в первую очередь для США, где потребление формирует до 70 % объема ВВП. Американский и европейские опыты наблюдения за поведением потребителей обобщены в публикациях Э. Тоффлера, Ж. Бодрийера, М. Кастельса и др. Неравенст-

во в распределении благ выводит нас на проблему справедливости (точнее: несправедливости, дискриминации). Проблема одновременно социальная и экономическая, психологическая и нравственная. И по этому критерию может быть идентифицирована конкретная личность или общество (социум). Экономистов обычно интересует справедливость дистрибутивная, но психологи и социологи выделяют и другие аспекты справедливости (процедурную, межличностную, информационную). Дистрибутивная справедливость должна обеспечить (чаще всего на уровне фирмы и домохозяйства) оптимальное сочетание вознаграждений и наказаний с учетом способностей, потребностей и усилий [5]. Задача не из легких.

Глобализация обновила потребности человечества, выдвинув в качестве осевых (то есть потребностей эпохи, самого высокого ранга) потребности в информации и знаниях, комфортном перемещении (отсюда приоритет транспорта и инфраструктуры) и в общении между представителями разных языков, религий, культур, менталитетов. К третьей осевой потребности уместно привести афоризм политолога Сеймура Липсета: «Если вы знаете одну страну – вы не знаете ни одной» [13]. Эти потребности глобализации невозможно запретить, закрыть для них дверь. Но достижения глобализации (ИКТ, Интернет, социальные сети) сочетает в себе шансы, вызовы и угрозы, неоднозначны для судьбы личности в современном мире. Соответственно, оценки Интернета и всего того, что с ним связано, вызывают у одних оптимизм, у других – пессимизм, а третьи причисляют себя к скептикам.

Внесем свои цветные камешки в панорамную фреску информационного общества, отобрав показательные для нас высказывания мэтров литературы, науки, публицистики. Елена Римон (Израиль) полагает, что «Интернет – это грандиозная культурная революция, сопоставимая даже не с книгопечатанием, а с распространением письменности. В Сети знания становятся легко доступными и совершенно обесцениваются. Все доступно, и никто ничего не знает» [14]. Иного мнения М. Кастельс, знаток информационных технологий как фактора могущества личности, ее самобытности: «В глобальном информационном обществе у человека, не интегрированного в пространство глобальных информационных потоков, фактически нет возможности реализовать рациональный жизненный проект... В обозримом будущем никакие громоздкие, неповоротли-

вые механизмы не смогут соперничать с умами, опирающимися на власть гибких сетей» [7]. В специальном выпуске еженедельника «Эксперт» мнения обозревателей и аналитиков радикально разошлись: *Сеть убивает печатные СМИ. Сеть фрагментирует личность (Глеб Павловский). Сеть – сплетница. Интернет наносит удар по идее уважения к власти вообще. Никто больше не решает за вас, где истина, и никто не ищет ее для вас; вы видите мир таким, каким хотите его видеть* [19]. Цитаты можно продолжить. Выбор позиции за конкретным человеком.

Глобализация на порядок усложнила и без того непростые взаимосвязи человека и экономики. Кратко, одним абзацем, покажем это на нескольких примерах.

Мощный источник экономического динамизма и прогресса – это инновации. Для их стимулирования используют систему институтов, в том числе и технополис. Его изначальная родина – Силиконовая (Кремниевая) долина, штат Калифорния, США. Технополис формировался спонтанно, без спешки, по призыву ученых и бизнесменов, по преимуществу приехавших сюда из-за границы. Второй технополис мирового значения в Бангалоре (Индия) опирался на мощные местные школы математиков – прикладников и фармацевтов. В России технополис в Сколково создается по инициативе президента и при внушительной финансовой поддержке правительства. Иными словами, между заимствованием института и его адаптацией к самобытной общественной среде всегда существует большая дистанция. Для успешного старта и дальнейшего продвижения, вне сомнения, технополису необходимы финансы, инфраструктура, научные исследования и разработки (НИР). Живая душа каждого технополиса – лидеры научных коллективов с работоспособной командой, чаще всего интернациональной по составу. Каждый успешный технополис – это постоянный диалог идей и людей. На стадии внедрения инноваций возникает потребность в организаторах (координаторах) с талантами финансиста, технаря и юриста. И далее – атмосфера благожелательности к проекту со стороны и местной власти, и населения в округе.

Инновации – вершина модернизации, процесса базисного, низового (от человека), перманентного. Увы, в России противников большой модернизации превеликое множество (явных и скрытых). Модернизация не входит в поле интересов коррумпированных чиновников. Не жаж-

дут ее и предприниматели, имеющие сверхприбыль от монопольного положения, близости к власти или не желающие забот от любых перемен. Невелика польза и от оппозиции, которая мнит себя элитой (не по чину и не по заслугам) и ностальгирует по авторитету дореволюционной интеллигенции. Амбиции несоразмерны. Еще А. П. Чехов в письме к А. Суворину сетовал на то, что у нее (интеллигенции) нет ни ближних, ни дальних целей. А В. О. Ключевский, тонкий психолог и выдающийся историк, метко подметил: «Интеллигенция – это слово не точно; значит не то, что хочет обозначать. Почему бы не остановиться на старом и привычном понятии “образованный человек”» [8]. Нынешняя оппозиция без стеснений высказывает свою ненависть к премьеру. Можно и нужно выражать недовольство властью, ее актами и решениями, но ненависть – плохой советчик в политике [23]. Оппозиция не несет ответственности за свои призывы и действия, как и сто лет тому назад, «элита» может накликать революцию, великие потрясения. Оппозиция причисляет себя к либералам. Но либерализм в нынешнем виде не прививается в России по разным причинам. Во-первых, прививке препятствуют традиционные нравы. Прав А. де Токвиль: «Никакую конституцию не обеспечить, если нравы населения этому сопротивляются». Во-вторых, либерализм неуютен, так как он исходит из чистой нормативности (так должно быть здесь и сейчас), не соотносясь с требованиями текущего момента, без учета места и времени [5]; в третьих, кризис российского либерализма вызван поколенческой драмой (уходят из жизни советские поколения), а для молодежи XXI в. превыше всего личный успех [17].

В условиях глобализации коррупция как многовековая наследственная болезнь человечества мигрирует из страны в страну, находя людей «со слабым иммунитетом». Человек – виновник и жертва коррупции. Искоренить ее раз и навсегда невозможно, но можно и нужно вести с ней неустанную борьбу. В мире испробованы разнообразные приемы и средства: совместные действия ряда стран, конфискация имущества, уголовные наказания (вплоть до смертной казни), штрафы, увольнения, налоговые декларации и пр. Но коррупция через какое-то время возрождается. Неоклассическая теория видит в коррупции неизбежный инструмент для нормализации рынка в условиях несовершенства государственного вмешательства в экономику. Аналогичны позиции Е. Т. Гайдара, В. А. Мау, В. Андреева и др.

Институциональные особенности российской коррупции следующие: а) неформальные сети с обменом услуг «ты – мне, я – тебе» (истоки в плановой экономике СССР); монопольная рента от занятия конкретной должности плюс институт коллективной взаимопомощи в случае увольнения и в) сращивание власти и собственности. В Евросоюзе международные чиновники пожизненно лишены возможности работать в сфере своих компетенций [2]. Поиски рычагов воздействия на коррупцию продолжаются. Экономическая мысль в замешательстве перед тайнами коррупции. У российского общества и власти на выбор три стратегии: а) признать свое бессилие, ограничиваясь показательными отставками и прочими паллиативами; б) последовательно шаг за шагом устранять «провалы» рынка и государства, дисфункции общественных институтов и в) поделиться частью прибыли с чиновниками – кураторами инвестиционных проектов и программ.

Конкретная личность – объект и субъект истории. Совокупности ее идентичностей творят событийность и процессуальность истории (эпохи, фазы, периоды, вехи). Завершим статью образной исповедью Альфонса Ламартина (1790–1869), поэта, публициста, политика: «Человечество подобно ткачу, работающему на станке времени. Придет время, когда, взирая на другую сторону ткани, человечество узрит картину дивную и величавую, вытканную на протяжении веков его собственными руками, причем оно само не видело ничего, кроме путаницы нитей на изнанке ткани» [3].

Примечания

1. Володина, Д. Модель потребителя будущего в теориях постиндустриального общества // Общество и экономика. – 2010. – № 9. – С. 120–131.
2. Глинкина, С. П. Феномен коррупции: взгляд экономиста // Новая и новейшая история. – 2010. – № 4. – С. 3–17.
3. Цит. по: Григорьева, Т. П., Курдимов и Восток // Человек. – 2010. – № 2. – С. 78.
4. Гойс, Раймонд. Неуют либерализма // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 5(76). – С. 25.
5. Гулевич, О. А. Нормы справедливости: роль социального контекста // Вопросы психологии. – 2010. – Сент.-окт. – С. 83–94, особо с. 85.
6. Капелюшников, Р. И., Лукьянова, А. Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе. – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. – С. 196.

7. Кирюшин, Андрей (Воронеж). Модернизация в свете анализа виртуальных аспектов современной экономики // *Власть*. – 2010. – № 1. – С. 24.
8. Цит. по: Магарил, Сергей. Интеллигенция и будущее России // *Свободная мысль*. – 2010. – № 10. – С. 340.
9. Мизес, Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. – М. : Социум, 2008. – С. 340.
10. Мировая экономическая мысль (сквозь призму веков) : в 5 т. – М. : Мысль, 2004. – Т. 1. – С. 481.
11. Пефтиев, В. И. Человек и труд в контексте глобализации: концептуальные заметки // *Ярославский педагогический вестник*. – 2009. – № 1. – С. 192–196.
12. Пефтиев, В. И. Концепция стоимости в экономической теории // *Ярославский педагогический вестник*. – Том I (Гуманитарные науки). – 2010. – № 3. – С. 75–79.
13. Подвойский, Д. В. Вызовы «текучей современности»: ответы Зигмунта Баумана // *Человек*. – 2010. – № 1. – С. 77.
14. Римон, Елена (Израиль). Опыты непонимания // *Новый мир*. – 2010. – № 3. – С. 167.
15. Труфанов, Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // *Вопросы философии*. – 2010. – № 2. – С. 13–22.
16. Хабашвили, Н. М. В пользу теоремы «потребительской ценности» // *Вестник Московского ун-та. Серия Экономика*. – 2010. – № 3. – С. 14–50.
17. Хакамада, И. М. Кризис либерализма: взгляд на общества // *Социально-гуманитарные знания*. – 2009. – № 4. – С. 55–63.
18. Энгельс, Ф. К жилищному вопросу // Маркс, К., Энгельс, Ф. собр. соч., 2-е изд. – Т. 18. – С. 271.
19. Эксперт. – 2010, 2–15 августа. № 30–31. – С. 18–29.
20. Baran, Paul. *Economie politique de la croissance*. – P. : Francois Maspero, 1967. – P. 71–92.
21. В статье «Новые английские экономисты» (1887) В. П. Воронцов подробно, опираясь на первоисточники, включая статьи и курсы лекций, излагает аргументы и тезисы внутренних критиков классической школы политэкономии (В. Бэджгот, Д. К. Ингрема, К. Лесли, А. Тойнби, Б. Прэйса, Сидвика и др.). См.: Пефтиев, В. И. Комментарии к статье В. П. Воронцова (1887) и П. Б. Струве (1908) // *Ярославский педагогический вестник*. – 2008. – № 3. – С. 146–150. В научной оборот впервые включены публикации английских маржиналистов, подготовивших неоклассический синтез. См.: Сошников, А. С. Распространение маржинализма в английской экономической мысли (на примере работ Г. Суджуика, Э. Эджуорта, Ф. Уэкстиды) // *Вестник Моск. ун-та. Серия Экономика*. – 2009. – № 4. – С. 3–13.
22. Р. И. Капелюшников убежден, что человеческий капитал – это не метафора, а строго научное понятие, подпадающее под стандартное определение капитала, выработанное экономической наукой. Человеческий капитал неотделим от личности. Рабочую силу можно только арендовать. На Западе сформулированы основные пункты (8) Хартии человеческого капитала, которые, однако, трудно реализовать в международном масштабе. Дж. Минц еще в 1974 г. разработал модель дисконтирования выгод и издержек от образования. См.: Капелюшников, Р. И. Указ. соч. – С. 9–12.
23. О ненависти оппозиции (Б. Немцов и К) к премьеру В. В. Путину, о нецивилизованном поведении и неконструктивной программе неоднократно высказывался обозреватель «Эксперта» Максим Соколов. См., например: *Эксперт*. – 2010, 22–28 ноября. № 46. – С. 128. С иронией обозреватель пишет об их амбициях: «Известные тем, что им нельзя доверить управление даже районной баней». – См.: *Эксперт*. – 2010. – 22–28 марта. – № 11. – С. 128.